

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.060-073

С. Б. Россинский*,
А. Е. Вытовтов**

Надлежащее понимание результатов оперативно-розыскной деятельности — ключ к решению проблемы их использования в доказывании по уголовным делам

Аннотация. Авторы продолжают цикл своих совместных исследований, связанных с проблемами использования в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности. Исходя из общих методологических подходов к сущности доказывания результаты оперативно-розыскной деятельности рассматриваются в гносеологическом аспекте — как информационные продукты, представляющие большую познавательную ценность для потребностей правоприменительной практики. Одновременно обращается внимание на правовую неопределенность категории «результаты оперативно-розыскной деятельности», обусловленную смешением всех предметов, документов либо сведений, полученных оперативно-розыскным путем, в единый массив вне зависимости от способов происхождения, то есть конкретных форм познавательного взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с теми или иным источниками информации.

В этой связи формулируется вывод, что уголовно-процессуальная доктрина и уголовно-процессуальное законодательство нуждаются в собственном (отраслевом), более узком понимании результатов оперативно-розыскной деятельности — как определенных информационных продуктов, подлежащих использованию дознавателем, следователем, судом, а при необходимости другими участвующими в уголовном деле для обеспечения возможности правильного применения уголовного закона и разрешения ряда сопутствующих вопросов.

Обосновывается, что подобный подход требует внедрения в правоприменительную практику критериев, позволяющих выделить результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном понимании из множества иных сведений, добываемых сотрудниками правоохранительных органов в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, а именно: а) их невоспроизводимости, то есть невозможности повторного получения соответствующей информации следователем и (или) судом; б) потенциальной проверяемости на предмет юридической доброкачественности посредством уголовно-процессуального инструментария. На основании изложенного формулируется авторская дефиниция результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном понимании.

Ключевые слова: доказательство; доказывание; непроцессуальная информация; оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; представление доказательств; результаты оперативно-розыскной деятельности; собирание доказательств; средство доказывания; формирование доказательств.

© Россинский С. Б., Вытовтов А. Е., 2022

* *Россинский Сергей Борисович*, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук
ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019
s.rossinskiy@gmail.com

** *Вытовтов Александр Евгеньевич*, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Восточно-Сибирского института МВД России
ул. Лермонтова, д. 110, г. Иркутск, Россия, 664074
alek.vytovtov@yandex.ru

Для цитирования: Россинский С. Б., Вытовтов А. Е. Надлежащее понимание результатов оперативно-розыскной деятельности — ключ к решению проблемы их использования в доказывании по уголовным делам // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 1. — С. 60–73. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.060-073.

Proper Understanding of the Results of Operational-Search Activities as the Key to Solving the Problem of their Use in Proving in Criminal Cases

Sergey B. Rossinskiy, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Chief Researcher of the Criminal Law Sector, Criminal Procedure and Criminology, Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences
ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019
s.rossinskiy@gmail.com

Aleksandr E. Vytovtov, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Lermontova, d. 110, Irkutsk, Russia, 664074
alek.vytovtov@yandex.ru

Abstract. The authors continue the cycle of their joint research related to the problems of using the results of operational-search activities in proving criminal cases. Based on general methodological approaches to the essence of proof, the results of operational-search activities are examined in the epistemological aspect, namely, as information products that are of great cognitive value for the needs of law enforcement practice. At the same time, attention is drawn to the legal uncertainty of the category «results of operational-search activities» that is caused by the mixing of all items, documents or information obtained by operational-search means, into a single array, regardless of the methods of origin, that is, specific forms of cognitive interaction of law enforcement officers with different sources of information.

In this regard, the conclusion is drawn that the criminal procedural doctrine and criminal procedural legislation need their own (sectoral) narrower understanding of the results of operational-search activities as certain information products to be used by an inquiry officer, investigator, judiciary, and, if necessary, by other participants in a criminal case to ensure the possibility of correct application of the criminal law and resolution of a number of related issues.

It is substantiated that such an approach requires introduction into law enforcement practice of criteria that make it possible to single out the results of operational-search activities in the criminal procedural sense from a variety of other information obtained by law enforcement officers in the course of operational-search activities, namely: a) their irreproducibility, i.e., impossibility of re-obtaining the relevant information by the investigator and (or) the court; b) potential verifiability for legal goodness through the criminal procedural toolkit. Based on the foregoing, the authors' definition of the results of operational-search activity in the criminal procedural sense is formulated.

Keywords: proof; proving; non-procedural information; operational search activity; operational search activities; presentation of evidence; results of operational-search activities; collecting evidence; evidence; formation of evidence.

Cite as: Rossinsky SB, Vytovtov AE. Nadlezhashchee ponimanie rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti — klyuch k resheniyu problemy ikh ispolzovaniya v dokazyvanii po ugovnym delam [Proper Understanding of the Results of Operational-Search Activities as the Key to Solving the Problem of their Use in Proving in Criminal Cases]. *Lex russica*. 2022;75(1):60-73. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.060-073. (In Russ., abstract in Eng.).

Современные реалии развития правовой системы Российской Федерации, обусловленные приоритетом прав и свобод личности, имплементацией норм международного права и другими известными факторами, предопределили изменение концептуальных подходов к уголовной юстиции в целом и стандартам доказывания в частности. На этом фоне в

последние годы особую актуальность приобрели вопросы, сопряженные с возможностью и допустимыми пределами использования в качестве средств уголовно-процессуального доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности — специфических информационных продуктов, возникающих вне предусмотренного УПК РФ правового режима, но вместе

с тем играющих важную роль при обосновании приговоров, а также других уголовно-юрисдикционных решений органов предварительного расследования и суда.

С одной стороны, высокий познавательный потенциал результатов оперативно-розыскной деятельности, подчас даже их незаменимость для установления определенных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, подтверждается множеством эмпирических данных и примеров из современной судебно-следственной практики¹, в связи с чем признается если не всеми, то по крайней мере подавляющим большинством ученых-процессуалистов, посвятивших свои публикации указанной проблематике². С другой стороны, продуктивному использованию в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности очень мешают так и не разрешенные по сей день противоречия между присущей современным условиям чересчур сильной абсолютизацией, скорее даже идеализацией, искусственно созданных догм и канонов уголовно-процессуального права (неких уголовно-процессуальных «ценностей») и реальными познавательными возможностями органов дознания, предварительного следствия и суда, которые детерминированы имеющими естественное происхождение гносеологическими механизмами познания человеком окружающего мира.

Указанные противоречия приводят к остротности, нерешительности и, самое главное,

непоследовательности правотворческой политики в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования, чем предопределяют существование малопригодных (а если точнее — вообще непригодных) для применения юридических норм, вызывающих лишь правовую неопределенность и немалые практические трудности. Причем наименее удачными и принципиально невыполнимыми представляются условия, установленные именно действующим уголовно-процессуальным законом (ст. 89 УПК РФ), который, как известно, разрабатывался в конце 1990-х гг. коллективом авторов, состоявшим преимущественно из ученых-идеалистов — апологетов прав человека, и формировался под сильным влиянием заокеанских «партнеров». По всей вероятности, будучи сильно подвержены либеральной пропаганде того времени и имея изначально негативный настрой по отношению к правоохранительным органам, разработчики УПК РФ усмотрели в существовавшем на тот момент порядке³ очередную опасность «полицейского» произвола. В связи с этим вместо имевшейся ранее возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании после их надлежащей проверки уголовно-процессуальными средствами нынешний УПК РФ просто запрещает их использование в случаях несоответствия своим же собственным «внутренним» требованиям. А поскольку результаты оперативно-розыскной деятельности по

¹ А. В. Вытовтов под научным руководством С. Б. Россинского успешно защитил в Омской академии МВД России кандидатскую диссертацию «Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности)». При этом собранные, обобщенные и проанализированные соискателем эмпирические данные в очередной раз подтвердили объективную потребность в активном использовании результатов оперативно-розыскной деятельности для нужд уголовно-процессуального доказывания (см.: *Вытовтов А. Е.* Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности). Иркутск, 2020. С. 53–54).

² См., например: *Поляков М. П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 4 ; *Астафьев Ю. В.* Методологические основы соотношения оперативно-розыскной и доказательственной информации в расследовании преступлений // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2007. № 1. С. 284 ; *Доля Е. А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 7 ; *Азаров В. А.* Что мешает эффективному использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании? // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы Международной науч.-практ. конференции М., 2011. С. 199.

³ На момент подготовки проекта УПК РФ порядок использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности устанавливался частью 2 ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (Закон СССР от 25.12.1958 в ред. от 12.06.1990).

определению формируются в ином правовом режиме, то есть даже гипотетически не могут соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства, практическое применение ст. 89 УПК РФ представляется невозможным, на что уже неоднократно обращали внимание более прагматично настроенные ученые⁴. И поэтому нет ничего странного в том, что для преодоления указанных трудностей в правоприменительной практике постоянно изобретаются различные «обходные пути» — используются разнообразные прикладные технологии, формально (как бы на бумаге) соответствующие требованиям (читай — запретам), установленным статьей 89 УПК РФ, а на самом деле предполагающие игнорирование существующих правил. Сегодняшние дознаватели, следователи, прокуроры, судьи и даже многие адвокаты воспринимают как обыденность, как некую данность фактическую презумпцию доброкачественности результатов оперативно-розыскной деятельности в случае соблюдения представившими их правоохранительными органами весьма нечетких и пространных требований Закона об ОРД⁵ (не УПК РФ, а именно Закона об ОРД!), а также подзаконного нормативного правового акта — Инструкции о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд⁶. Вряд ли многие из указанных лиц усомнятся в правомерности придания подобным материалам требуемого юридического состояния — статуса полноценных доказательств — не путем вынесения специального государственно-властного следственного или судебного акта, а посредством сугубо технического приобщения к уголовному делу (подшивания к уголовному делу).

Вряд ли суд апелляционной, кассационной или надзорной инстанции отменит приговор (иное решение) нижестоящего суда ввиду его обоснования в том числе «материалами оперативно-розыскного мероприятия... полученными с соблюдением требований УПК РФ»⁷.

В этой связи на протяжении всех последних лет ученые стремятся выработать оптимальные критерии и условия использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, которые, с одной стороны, должны отвечать современным представлениям о смысле и предназначении уголовного судопроизводства, соответствовать его базовым принципам (тем самым уголовно-процессуальным «ценностям»), а с другой — должны быть реально выполнимыми, то есть не побуждать к изобретению «обходных путей», а предполагать подлинно эффективный механизм, обеспечивающий максимально возможным уровнем юридических гарантий доброкачественности соответствующих сведений. В настоящее время наметились два основных подхода к решению указанной проблемы.

Так, одни авторы, фактически соглашаясь с действующим уголовно-процессуальным законом, исключают возможность прямого введения результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовное дело, то есть отрицают право дознавателя, следователя или даже суда признавать их полноценными (допустимыми) средствами доказывания и в дальнейшем использовать для обоснования приговоров либо иных правоприменительных актов. Вместо этого результаты оперативно-розыскной деятельности предлагается рассматривать как некую информационную основу, как своеобразный

⁴ См., например: *Поляков М. П.* Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания : материалы Международной науч.-практ. конференции. М., 2004. С. 182 ; *Зажицкий В. И.* Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. СПб., 2006. С. 363 ; *Петуховский А. А.* Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики). М., 2009. С. 97.

⁵ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с последующими изменениями и дополнениями).

⁶ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (утверждена совместным приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013).

⁷ Ранее авторы настоящей статьи уже приводили примеры подобных судебных актов (см.: *Россинский С. Б.* Использование результатов «невербальных» оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовному делу — объективная необходимость // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 3. С. 174 ; *Вытовтов А. Е.* Указ. соч. С. 85).

«кибернетический» фундамент для формирования полноценных доказательств, в частности показаний свидетелей, вещественных доказательств и иных документов, в порядке, предусмотренном УПК РФ⁸. Кстати, такую же позицию неоднократно высказывал и Конституционный Суд РФ⁹. Данная точка зрения традиционно обосновывается вполне понятными доводами о юридической «ущербности» результатов оперативно-розыскной деятельности (по крайней мере по сравнению с предусмотренными частью 2 ст. 74 УПК РФ «классическими» средствами доказывания), об их процессуальной неполноценности, детерминированной их получением в порядке, не обремененном надлежащими правовыми гарантиями доброкачественности соответствующих сведений¹⁰.

Впрочем, существует и еще один немаловажный аргумент. Некоторые авторы, апеллируя к известному «темному» периоду советской истории, не без оснований опасаются, что возможность непосредственного использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании в очередной раз подтолкнет правоохранителей к «полицейскому» произволу¹¹, в частности к практике приобщения к материалам уголовного дела любых полученных непроцессуальным путем предметов, документов или сведений без особого разбора¹² — буквально к тому, что оперативные

сотрудники «начнут тащить в уголовное дело все подряд».

Другие ученые, напротив, выступают за нормативную реставрацию прежних правовых условий признания результатов оперативно-розыскной деятельности уголовно-процессуальными доказательствами, то есть за право их непосредственного использования в процессе доказывания после надлежащей следственной и (или) судебной проверки и оценки в порядке, предусмотренном УПК РФ¹³. В основе данного подхода лежит тезис об изначальной сформированности результатов оперативно-розыскной деятельности за рамками уголовно-процессуальных отношений, об их попадании в орбиту уголовного судопроизводства как уже сложившихся информационных продуктов — не в качестве процессуального «сырья» или «полуфабрикатов», а именно в качестве готовых к использованию «изделий». В связи с этим сторонники указанной позиции отрицают не только юридическую потребность, но и саму гипотетическую возможность превращения (как бы переформирования) уже сформированных информационных продуктов в какой-либо из предусмотренных частью 2 ст. 74 УПК РФ видов доказательств. Такие продукты, справедливо пишет М. П. Поляков, не нуждаются ни в какой трансформации — они требуют интерпретации¹⁴.

⁸ См., например: *Зажичкий В. И.* Указ. соч. С. 363 ; *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 111–112 ; *Доля Е. А.* Указ. соч. С. 240 ; *Астафьев Ю. В.* Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы Международной. науч.-практ. конференции. Иркутск, 2014. С. 24 ; *Пашаева Э. Х.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при принятии процессуальных решений (на примере уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2017. С. 68–69.

⁹ См., например: определения Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 № 18-О; от 24.09.2013 № 1505-О.

¹⁰ См.: *Петрухин И. Л.* Судебная власть и расследование преступлений // Государство и право. 1993. № 7. С. 90 ; *Астафьев Ю. В.* Оперативно-розыскные средства уголовно-процессуального познания // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2006. № 1. С. 272.

¹¹ См.: *Доля Е. А.* Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996. С. 67.

¹² См.: *Зажичкий В. И.* Закон об оперативно-розыскной деятельности не идеален // Советская юстиция. 1993. № 5. С. 99.

¹³ См., например: *Бозров В. М.* Результатам оперативно-розыскной деятельности — статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 48 ; *Зувев С. В.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств // Уголовное право. 2007. № 3. С. 97 ; *Лазарева В. А.* Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). 2019. Т. 18. № 2. С. 58.

¹⁴ *Поляков М. П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности... С. 340.

Последний подход представляется гораздо более разумным и, самое главное, жизнеспособным. Поэтому в прежних публикациях авторов настоящей статьи тоже неоднократно утверждалось об объективной потребности в признании результатов оперативно-розыскной деятельности полноценными средствами доказывания и их юридическом приобщении к уголовному делу (как бы введению в уголовный процесс) без необходимости псевдоформирования на их основе соответствующих показаний, иных документов и т.д.¹⁵ В частности, отмечалось, что результаты оперативно-розыскной деятельности никакому следственно-судебному формированию не подлежат и подлежать не могут (равно как не подлежат никакому формированию и другие вводимые в уголовное дело, готовые к использованию информационные продукты: вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста)¹⁶: они переходят в распоряжение дознавателя, следователя, суда путем представления, истребования либо изъятия, поэтому просто признаются доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела либо не признаются и не приобщаются — в случае недопустимости или нецелесообразности их дальнейшего использования в качестве средств уголовно-процессуального доказывания¹⁷. Одним из авторов настоящей статьи — С. Б. Россинским — подчеркивалось, что предусмотренные УПК РФ механизмы работы органов предварительного расследования или суда в силу самых естественных причин в принципе нельзя использовать как машину времени с целью полета в

прошлое для придания ранее проведенным оперативно-розыскным мероприятиям подобия уголовно-процессуальной формы для их обременения надлежащими гарантиями юридической доброкачественности. Говорилось, что результаты оперативно-розыскной деятельности являются уже готовыми информационными продуктами, не способными посредством неких юридических манипуляций дознавателя, следователя или суда перевоплощаться в другие виды доказательств подобно описанному в известной сказке Шарля Перро волшебному превращению Золушки в принцессу, тыквы — в карету, а крысы — в кучера. В этой связи позиции авторов, ратующих именно за формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности, расценивались как очередной самообман, как красивые, но абсолютно нежизнеспособные и надуманные научные фантазии, как теоретические фантомы, не имеющие ничего общего с реальными возможностями по накоплению и обработке полезных для уголовного дела сведений, а лишь побуждающие к маскировке оперативно-розыскной информации наиболее удобным видом доказательств, причем без учета их гносеологической природы. Одновременно отмечалось, что сугубо формально указанные условия могут быть выполнены лишь посредством абсолютно недопустимой прикладной технологии, фактически состоящей в «запихивании назад» обнаруженных оперативным путем предметов, документов или ценностей в целях их повторного «обнаружения» в порядке, установленном УПК РФ, то есть тактической

¹⁵ Россинский С. Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 117 ; Он же. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex russica (Русский закон). 2018. № 10 (143). С. 79–80 ; Вытовтов А. Е. Указ. соч. С. 87.

¹⁶ В этой связи следует напомнить, что процессуальная форма определяется не простым упоминанием той или иной категории в тексте УПК РФ. Процессуальная форма предполагает наличие соответствующей процедуры (совокупности правовых условий), так как представляет строго установленный законом и обусловленный необходимыми и достаточными юридическими гарантиями доброкачественности порядок реализации общих или более частных полномочий органов предварительного расследования, прокуратуры, суда либо правомочий иных вовлеченных в уголовное дело субъектов. Следовательно, формирование доказательств не заключается в признании таковыми и приобщении к уголовному делу (в процессуальной легализации) ранее полученных предметов, документов или сведений. Формирование доказательств — это создание (как бы «рождение») новых познавательных продуктов посредством процессуальной формы, то есть путем производства предусмотренных УПК РФ следственных, судебных либо иных процессуальных действий.

¹⁷ Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 88–92.

операции, явно напоминающей хорошо известную историю задержания вора-карманника из кинофильма «Место встречи изменить нельзя».

Однако в целом поддерживаемый авторами настоящей статьи подход, предполагающий признание результатов оперативно-розыскной деятельности автономными средствами доказывания и возможность их использования по уголовному делу без необходимости формирования на их основе каких-то мнимых показаний, иных документов и т.д., тоже далеко не идеален и вызывает ряд нареканий. Причем наиболее серьезный недостаток данной концепции сводится именно к опасности «полицейского» произвола в части «безразборного» приобщения к уголовному делу любых полученных оперативными сотрудниками материалов — к тому самому вышеупомянутому аргументу, на который вполне разумно обращают внимание Е. А. Доля, В. И. Зажицкий и другие противники указанного подхода.

Оспаривать приведенный аргумент абсолютно бессмысленно; он действительно достаточно справедлив и убедителен, за исключением разве что чрезмерного сгущения красок при оценке прогнозируемой негативной практики — ее сравнения с практикой, существовавшей в известный «темный» период советской истории. Однако отмеченный недостаток детерминирован вполне понятной и потенциально устранимой причиной, поэтому при желании может быть если не искоренен полностью, то, по крайней мере, сведен до минимума.

Представляется, что *причина подобного недостатка кроется в правовой неопределенности категории «результаты оперативно-розыскной деятельности»*, особенно в части уголовно-процессуальной регламентации их использования в доказывании. Несмотря на неоднократное упоминание этого словосочетания в тексте УПК РФ, законодатель, по сути, не раскрывает того смысла, который вкладывает его содержание, то есть не предусматривает четкой, предполагающей однозначное толкование нормы-дефиниции, определяющей результаты оперативно-розыскной деятельности как объект уголовно-процессуального регулирования, как нечто, попавшее в распоряжение органов предварительного расследования

либо суда. Ведь содержащий такое определение пункт 36.1 ст. 5 УПК РФ имеет не более чем бланкетный характер, фактически переадресовывая читателя к нормам Закона об ОРД, в которых также не усматривается никакой ясности в отношении данной категории.

Из положений Закона об ОРД вытекает лишь самое общее понимание результатов оперативно-розыскной деятельности — как неких полезных сведений, собранных уполномоченными должностными лицами правоохранительных органов посредством проведения установленных этим же Законом оперативно-розыскных мероприятий. Но какого рода должны быть эти сведения, законодатель почему-то умалчивает; ответ на этот вопрос также предполагает высокую степень неопределенности. По крайней мере, достаточно широкие полномочия оперативных сотрудников обуславливают возможность получения самых разнообразных информационных продуктов: устных либо письменных, в частности агентурных, сообщений; сведений, воспринятых должностными лицами правоохранительных органов в ходе визуального обследования помещения, сооружения, транспортного средства или участка местности, различных предметов, документов, электронных носителей информации и т.д., и т.п. В научных публикациях подобное разнообразие принято называть «множеством видов оперативно-розыскной информации»¹⁸. Поэтому некоторые ученые-процессуалисты совершенно справедливо пишут о недопустимости постановки знака равенства между различными предметами, документами, сведениями, добытыми в ходе оперативно-розыскной деятельности, например между видеозаписью и агентурным сообщением; одновременно ставится вопрос о необходимости некоей систематизации и классификации всех подобных информационных продуктов¹⁹.

Вполне возможно, что для выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия преступлений, для розыска скрывающихся лиц, для решения иных собственных задач оперативно-розыскной деятельности «безразборное» смешение всей полезной оперативной информации в единую массу вполне приемлемо, по крайней мере, не наносит какого-то ощутимого

¹⁸ См.: Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. М., 2000. С. 24.

¹⁹ См.: Козловский П. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве оснований для производства следственных действий // Российский следователь. 2019. № 10. С. 41.

вреда работе правоохранительных органов, сильно не влияет на качество соответствующих результатов. Однако в части уголовного судопроизводства, имеющего принципиально иной смысл и предназначение, подразумевающего гораздо большую ценность юридической (процессуальной) формы, такой правовой «винегрет» из самых разных предметов, документов, сведений под общим именем «результаты оперативно-розыскной деятельности» абсолютно непозволителен. Как отмечалось выше, это приводит к существенной правовой неопределенности и лишь создает почву для тех самых злоупотреблений, которых справедливо опасаются Е. А. Доля, В. И. Зажицкий и другие авторы, выступающие против возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве самостоятельных средств доказывания по уголовному делу.

В отличие от оперативно-розыскной деятельности, положения доказательственного права традиционно предполагают четкую дифференциацию собираемых сведений и соответствующих информационных продуктов. Для сферы уголовно-процессуального регулирования предмет является предметом (как правило, вещественным доказательством), документ — документом, результат вербального общения дознавателя, следователя, суда с человеком — показаниями, результат невербального восприятия окружающей действительности — протоколом следственного действия или судебного заседания и т.д. И здесь нет ничего странного, поскольку (как уже неоднократно писал один из авторов настоящей статьи, С. Б. Россинский) в основе различных видов доказательств лежат принципиально разные способы познания обстоятельств объективной реальности²⁰. В противном случае законодателью вообще можно было бы отказаться от традиционной, существующей еще со времен инквизиционного уголовного процесса

системы доказательств и по аналогии с Законом об ОРД заменить ее двумя большими массами: результатами судебной деятельности и результатами следственной (следственно-дознательской) деятельности.

В этой связи в научных публикациях предпринимаются постоянные попытки поиска неких специальных критериев, позволяющих выделить материалы, подлежащие использованию для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, из общей массы предметов, документов и сведений, полученных в ходе работы оперативных подразделений правоохранительных органов. На сегодняшний день существует целый ряд доктринальных подходов к толкованию результатов оперативно-розыскной деятельности в контексте их возможной «эксплуатации» для потребностей следственной и судебной практики, в частности как средств уголовно-процессуального доказывания²¹.

Тем не менее уважаемые авторы в своих суждениях все равно изначально отталкиваются от понимания результатов оперативно-розыскной деятельности, вытекающего из смысла Закона об ОРД и подразумевающего «безразборное» смешение всех полученных оперативным путем предметов, документов, сведений в общую массу. Они не увязывают возможность использования этих материалов в процессе доказывания с формой (с источником происхождения) полезной информации. Данный доктринальный пробел четко подмечает Э. Х. Пашаева, которая, следуя по стопам другого ученого — И. Д. Беднякова, справедливо пишет о полном отсутствии в имеющихся определениях каких-либо намеков на форму (источник происхождения) тех или иных оперативно-информационных продуктов, которую ввиду гносеологической неразрывности с содержанием воспринимаемых сведений она считает одним из важнейших признаков соответствующей

²⁰ Россинский С. Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 361 ; Он же. Гносеологические проблемы разграничения вербального и «невербального» способов познания в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 106.

²¹ См., например: Земскова А. В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 32–33 ; Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности... С. 144 ; Гаскаров И. Ф. Тактико-криминалистические особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 11 ; Аганесян А. Л. Теоретические и правовые основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 6.

ших познавательных результатов²². Невзирая на некоторую дискуссионность отдельных деталей, эта позиция является совершенно правильной, поскольку наиболее удачно гармонируется с реальными потребностями следственной и судебной практики.

Представляется, что оперативно-информационные продукты, по крайней мере в части использования в процессе доказывания, никоим образом не должны «безразборно» смешиваться в единый массив. Все всяких сомнений, они подлежат дифференциации на отдельные виды — по аналогии с предусмотренными главой 10 УПК РФ видами доказательств, также обусловленными различными формами (источниками происхождения) полезных сведений, но воспринимаемых не должностными лицами оперативного подразделения правоохранительного органа, а дознавателями, следователями, участниками судебного заседания. Например, обнаруженные либо иным образом полученные оперативными сотрудниками предметы, как правило, обладают признаками вещественных доказательств, а письменные, аудио-, видео- и прочие документы — признаками иных документов. Тогда как результаты собственного восприятия оперативными сотрудниками интересующих их сведений вполне сопоставимы с результатами вербальных или невербальных следственных либо судебных действий: результаты опроса — с показаниями, результаты оперативного обследования — с результатами осмотра или обыска, результаты оперативного эксперимента — с результатами следственного эксперимента и т.д.

Иными словами, оперативно-информационные продукты, смешанные в общую массу с названием «результаты оперативно-розыскной детальности», в реальности предопределяются разными формами (источниками происхождения) познаваемых сведений и, соответственно, различными способами гносеологического взаимодействия должностных лиц правоохранительных органов с соответствующими объектами — носителями воспринимаемой информации. К тому же далеко не все подобные информационные продукты вообще формируются в ходе оперативно-розыскных мероприятий, то есть возникают в процессе активного поведения оперативных сотрудников, действующих в режиме, предусмотренном Законом об ОРД. В частности, какие-либо предметы или не-

которые документы попадают в их распоряжение и приобщаются к материалам оперативного дела в готовом виде, то есть никакому формированию не подлежат. Причем в дальнейшем, будучи представленными дознавателю, следователю или в суд, такие объекты вообще не расцениваются как результаты оперативно-розыскной деятельности, а признаются соответственно вещественными (если отвечают правовой гипотезе, предусмотренной частью 1 ст. 81 УПК РФ) либо иными документами (если отвечают правовой гипотезе, предусмотренной частью 2 ст. 84 УПК РФ). Тогда как информационные продукты, возникшие вследствие собственного восприятия оперативными сотрудниками неких вербальных либо невербальных сведений, напротив, формируются именно в ходе соответствующих оперативно-розыскных мероприятий (опроса, проверочной закупки, контролируемой поставки, оперативного эксперимента, оперативного обследования и т.д.), оформляются соответствующими документами протокольного типа, а в дальнейшем вводятся в уголовный процесс — якобы посредством трансформации в один из предусмотренных УПК РФ видов доказательств, а на самом деле — путем обыкновенного технического приобщения (подшивания) к материалам уголовного дела. *Именно они и являются результатами оперативно-розыскной деятельности в том понимании, которое вытекает из смысла ст. 89 УПК РФ и предопределяет основные обсуждения и дискуссии о возможности и допустимых пределах использования оперативно-информационных продуктов для нужд доказывания, в первую очередь для обоснования приговоров либо иных правоприменительных актов.*

Таким образом, уголовный процесс объективно нуждается в своем собственном, отраслевом понимании результатов оперативно-розыскной деятельности как определенных информационных продуктов, подлежащих использованию дознавателем, следователем, судом, а при необходимости — другими участвующими в уголовном деле для обеспечения возможности правильного применения уголовного закона и разрешения ряда сопутствующих вопросов. Причем по сравнению с вытекающим из положений Закона об ОРД общим подходом к результатам оперативно-розыскной деятельности подобное понимание должно предполагать более узкую смысловую нагрузку, более

²² Пашаева Э. Х. Указ. соч. С. 44.

узкий правовой «контент». Представляется, что в части уголовно-процессуального регулирования категорию «результаты оперативно-розыскной деятельности» надлежит ограничивать лишь теми появившимися в ходе оперативно-розыскных мероприятий познавательными продуктами, которые в силу объективных закономерностей не обладают и не могут обладать (!) признаками, присущими показаниям, заключениям эксперта или специалиста, вещественным доказательствам, протоколам следственных действий и судебного заседания либо иным документам.

Причем из всей массы оперативной информации таковыми следует признавать только познавательные продукты, возникающие в ходе проведения различных оперативно-розыскных мероприятий путем непосредственного восприятия сотрудниками правоохранительных органов различных следов преступления (в широком смысле), а равно и других материальных либо идеальных фрагментов окружающей реальности. Иными словами, *под результатами оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальной доктрине, следственной и судебной практике надлежит понимать лишь те представленные дознавателю, следователю или в суд познавательные продукты, которые по своему содержанию аналогичны результатам следственных действий (показаниям или протоколам), но в отличие от них сформированы не в порядке, предусмотренном УПК РФ, а посредством установленных Законом об ОРД оперативно-розыскных мероприятий.*

Полагаем, что таковыми могут являться лишь *потенциально невозпроизводимые* оперативно-информационные продукты, то есть основанные на восприятии и фиксации тех полезных сведений, которые в силу объективных гносеологических закономерностей познания человеком окружающего мира не предполагают возможности повторного восприятия и фиксации органами предварительного расследования и (или) судом. В связи с этим для уголовного процесса такие материалы всегда будут иметь значение производных средств доказывания, то есть полученных опосредованно, как бы «из вторых рук», через промежуточные носители: сознание оперативного сотрудника и составленные им оперативно-служебные документы.

Кстати, примерно такое же производное значение для суда имеют и результаты (протоколы) проведенных в досудебном производстве следственных действий. Представляется, что данный нюанс как раз и детерминирует ту самую роль и большую пользу результатов оперативно-розыскной деятельности для потребностей уголовно-процессуального доказывания, о которых постоянно заявляют ученые, пытаясь найти оптимальный выход из доктринальных и нормативно-правовых противоречий. Ведь ценность производных доказательств заключается именно в способности приходить на помощь в случаях практической невозможности работы с первоначальными информационными ресурсами²³. Тогда как в противном случае — при отсутствии потребности в собирании невозпроизводимых сведений — использование в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности теряло бы всякий смысл, а органы предварительного расследования и суды вполне могли бы обходиться собственным восприятием полезной информации, то есть показаниями и результатами (протоколами) невербальных следственных и судебных действий. К слову, необходимость подмены результатов следственной или судебной деятельности повторно невозпроизводимыми оперативно-информационными продуктами обусловлена точно теми же причинами, которые определяют право оглашения в судебном заседании досудебных показаний участников уголовного судопроизводства в случае невозможности их непосредственного получения в судебном заседании (ст. 276, 281 и 281.1 УПК РФ).

Производное значение невозпроизводимых оперативно-информационных продуктов для их последующего использования в доказывании по уголовному делу обуславливает потребность в их надлежащей следственной и судебной проверке и оценке на предмет юридической доброкачественности посредством уголовно-процессуального инструментария. Другими словами, предполагаемые к введению в уголовный процесс в качестве средств доказывания результаты оперативно-розыскной деятельности должны обладать свойством *потенциальной проверяемости* как необходимым условием их допустимости для нужд правоприменительной практики²⁴.

²³ См.: Кудин Ф. М. Избранные труды. Волгоград, 2010. С. 243.

²⁴ См.: Бозров В. М. Указ. соч. С. 48 ; Балакишин В. С. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Пятьдесят лет кафедре уголовного

Итак, на основании изложенного представляется, что *под результатами оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальной доктрине, следственной и судебной практике надлежит понимать сведения, имеющие значение для уголовного дела и полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий путем непосредственного*

восприятия должностными лицами правоохранительных органов материальных или идеальных фрагментов окружающей реальности, если впоследствии такие сведения не могут быть повторно восприняты дознавателем, следователем либо судом в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аганесян А. Л. Теоретические и правовые основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Владимир : Владимирский юридический институт ФСИН России, 2005. — 21 с.
2. Азаров В. А. Что мешает эффективному использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании? // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы Международной науч.-практ. конференции — М. : Элит, 2011. — С. 199–202.
3. Астафьев Ю. В. Методологические основы соотношения оперативно-розыскной и доказательственной информации в расследовании преступлений // Вестник ВГУ. Серия «Право». — 2007. — № 1. — С. 280–290.
4. Астафьев Ю. В. Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы Международной науч.-практ. конференции — Иркутск : БГУЭП, 2014. — С. 20–26.
5. Астафьев Ю. В. Оперативно-розыскные средства уголовно-процессуального познания // Вестник ВГУ. Серия «Право». — 2006. — № 1. — С. 268–277.
6. Балакшин В. С. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международной науч.-практ. конференции. — Екатеринбург : Уральский университет, 2005. — Ч. 1. — С. 70–75.
7. Бозров В. М. Результатам оперативно-розыскной деятельности — статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. — 2004. — № 4. — С. 46–48.
8. Вытовтов А. Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности). — Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020. — 221 с.
9. Гаскаров И. Ф. Тактико-криминалистические особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2005. — 26 с.
10. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. — М. : Спарк, 1996. — 111 с.
11. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. — М. : Проспект, 2009. — 373 с.
12. Зажицкий В. И. Закон об оперативно-розыскной деятельности не идеален // Советская юстиция. — 1993. — № 5. — С. 19–20.
13. Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. — 441 с.
14. Земскова А. В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. — М. : ВНИИ МВД России, 2002. — 420 с.

процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. науч.-практ. конференции. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 73–74.

15. Зуев С. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств // Уголовное право. — 2007. — № 3. — С. 94–97.
16. Козловский П. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве оснований для производства следственных действий // Российский следователь. — 2019. — № 10. — С. 40–43.
17. Кудин Ф. М. Избранные труды. — Волгоград : Волгоградский госуниверситет, 2010. — 396 с.
18. Лазарева В. А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). — 2019. — Т. 18. — № 2. — С. 55–62.
19. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. — М. : Инфра-М, 2000. — 367 с.
20. Пашаева Э. Х. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при принятии процессуальных решений (на примере уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) : дис. ... канд. юрид. наук. — Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. — 263 с.
21. Петрухин И. Л. Судебная власть и расследование преступлений // Государство и право. — 1993. — № 7. — С. 81–91.
22. Петуховский А. А. Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики). — М. : Академия управления МВД России, 2009. — 113 с.
23. Поляков М. П. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания : материалы Международной науч.-практ. конференции. — М. : МГЮА, 2004. — С. 182–184.
24. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. — Н. Новгород : Нижегородская Академия МВД России, 2002. — 442 с.
25. Россинский С. Б. Гносеологические проблемы разграничения вербального и «невербального» способов познания в уголовном судопроизводстве // Философия права. — 2021. — № 2 (97). — С. 99–106.
26. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. — М. : Норма, 2021. — 408 с.
27. Россинский С. Б. Использование результатов «невербальных» оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовному делу — объективная необходимость // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2015. — № 3. — С. 171–184.
28. Россинский С. Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // Российский криминологический взгляд. — 2013. — № 3. — С. 354–365.
29. Россинский С. Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex russica (Русский закон). — 2018. — № 10 (143). — С. 70–84.
30. Россинский С. Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признавать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. — 2018. — № 2. — С. 111–119.
31. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М. : Норма, 2008. — 238 с.

Материал поступил в редакцию 11 сентября 2021 г.

REFERENCES

1. Aganesyan AL. Teoreticheskie i pravovye osnovy ispolzovaniya rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti pri rassledovanii prestupleniy : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Theoretical and legal foundations for using the results of operational-search activities in the investigation of crimes: Author's Abstract]. Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; 2005 (In Russ.).
2. Azarov VA. Chto meshaet effektivnomu ispolzovaniyu rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v ugovolno-protsessualnom dokazyvanii? [What prevents the effective use of the results of operational-search activities in criminal procedural evidence?]. In: *Proving and decision-making in modern criminal proceedings: Proceedings of International Scientific-Practical Conference*. Moscow: Elite Publ.; 2011 (In Russ.).
3. Astafiev YuV. Metodologicheskie osnovy sootnosheniya operativno-rozysknoy i dokazatel'svennoy informatsii v rassledovanii prestupleniy [Methodological foundations of the ratio of operational-search and evidentiary

- information in the investigation of crimes]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2007;1:280-290 (In Russ.).
4. Astafiev YuV. Operativno-rozysknoy i dokazatelstvennyy aspekt ugovorno-protsessualnogo poznaniya [Operational-search and evidentiary aspect of criminal procedural knowledge]. In: *Criminal procedural and criminalistic means of ensuring the effectiveness of criminal proceedings: Proceedings of International Scientific-Practical Conference*. Irkutsk: BSUEP Publ.; 2014 (In Russ.).
 5. Astafiev YuV. Operativno-rozysknye sredstva ugovorno-protsessualnogo poznaniya [Operational-search means of criminal procedural knowledge]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2006;1:268-277 (In Russ.).
 6. Balakshin VS. K voprosu ob ispolzovanii rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v dokazyvanii po ugovol'nym delam [On the use of the results of operational-search activity in proving in criminal cases]. In: *Fifty years of the Department of Criminal Procedure of the Ural State Law Academy (ULI): Proceedings of International Scientific-Practical Conference*. Part 1. Yekaterinburg: Ural University; 2005 (In Russ.).
 7. Bozrov VM. Rezultatam operativno-rozysknoy deyatel'nosti — status dokazatel'stv v ugovol'nom protsesse [Results of operational-search activity — the status of evidence in criminal proceedings]. *Russian Justice*. 2004;4:46-48 (In Russ.).
 8. Vytovtov AYe. Rezultaty operativno-rozysknoy deyatel'nosti kak sredstva dokazyvaniya v ugovol'nom sudoproizvodstve (po materialam ugovol'nykh del ekonomicheskoy napravlenosti) [The results of operational-search activities as a means of proof in criminal proceedings (based on the materials of economic criminal cases)]. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2020 (In Russ.).
 9. Gaskarov IF. Taktiko-kriminalisticheskie osobennosti ispolzovaniya rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v rassledovanii prestupleniy : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Tactical and forensic features of the use of the results of operational-search activities in the investigation of crimes: Author's Abstract]. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2005 (In Russ.).
 10. Dolya EA. Ispolzovanie v dokazyvanii rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Use in proving the results of operational-search activities]. Moscow: Spark Publ.; 1996 (In Russ.).
 11. Dolya EA. Formirovaniye dokazatel'stv na osnove rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Formation of evidence based on the results of operational-search activities]. Moscow: Prospect Publ.; 2009 (In Russ.).
 12. Zazhitskiy VI. Zakon ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti ne idealen [The law on operational-search activity is not ideal]. *Soviet Justitia*. 1993;5:19-20 (In Russ.).
 13. Zazhitskiy VI. Rezultaty operativno-rozysknoy deyatel'nosti v ugovol'nom sudoproizvodstve: teoriya i praktika [The results of operational-search activities in criminal proceedings: theory and practice]. St. Petersburg: Legal Center-Press; 2006 (In Russ.).
 14. Zemskova AV. Teoreticheskie osnovy ispolzovaniya rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti pri rassledovanii prestupleniy : dis. ... d-ra yurid. nauk [Theoretical foundations of the use of the results of operational-search activity in the investigation of crimes: Doctoral Dissertation]. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2002 (In Russ.).
 15. Zuev SV. Ispolzovanie rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v kachestve dokazatel'stv [Using the results of operational-search activity as evidence]. *Criminal Law*. 2007;3:94-97 (In Russ.).
 16. Kozlovskiy PV. Ispolzovanie rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v kachestve osnovaniy dlya proizvodstva sledstvennykh deystviy [Using the results of operational-search activities as grounds for the production of investigative actions]. *Russian Investigator*. 2019;10:40-43 (In Russ.).
 17. Kudin FM. Izbrannye trudy [Selected Works]. Volgograd: Volgograd State University Publ.; 2010 (In Russ.).
 18. Lazareva VA. Dokazatel'stvo kak kategoriya ugovorno-protsessualnogo prava: novye (starye) podkhody [Evidence as a category of criminal procedural law: New (old) approaches]. *Legal Concept*. 2019;18(2):55-62 (In Russ.).
 19. Ovchinsky SS. Operativno-rozysknaya informatsiya [Operational-search information]. Moscow: Infra-M Publ.; 2000 (In Russ.).
 20. Pashayeva EK. Ispolzovanie rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti pri prinyatii protsessualnykh resheniy (na primere ugovol'nykh del o nezakonnom sbyte narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv ili ikh analogov [Using the results of operational-search activities in making procedural decisions (on the example of criminal cases on the illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues): Cand. Sci. (Law) Thesis]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2017 (In Russ.).

21. Petrukhin IL. Sudebnaya vlast i rassledovanie prestupleniy [The Judicial Power and Crime Investigation]. *State and Law*. 1993;7:81-91 (In Russ.).
22. Petukhovskiy AA. Problemy dokazyvaniya v ugovnom protsesse (sovershenstvovanie zakonodatelstva i pravoprimeritelnoy praktiki) [Problems of proof in criminal proceedings (improvement of legislation and law enforcement practice)]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2009 (In Russ.).
23. Polyakov MP. Ispolzovanie rezultatov ORD v dokazyvanii [Using the results of the ORD in proving]. In: *The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: The year of law enforcement and teaching: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference*. Moscow: MGYuA Publ.; 2004 (In Russ.).
24. Polyakov MP. Ugolovno-protsessualnaya interpretatsiya rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti : dis. ... d-ra yurid. nauk [Criminal-procedural interpretation of the results of operational-search activity: Doctoral Dissertation]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2002 (In Russ.).
25. Rossinsky SB. Gnoseologicheskie problemy razgranicheniya verbal'nogo i «neverbal'nogo» sposobov poznaniya v ugovnom sudoproizvodstve [Epistemological Problems of Differentiation of Verbal and «Non-Verbal» Ways of Cognition in Criminal Proceedings]. *Philosophy of Law*. 2021;2(97):99-106 (In Russ.).
26. Rossinsky SB. Dosudebnoe proizvodstvo po ugovnomu delu: sushchnost i sposoby sobiraniya dokazatel'stv [Pre-trial criminal proceedings: the essence and methods of collecting evidence]. Moscow: Norma Publ.; 2021 (In Russ.).
27. Rossinsky SB. Ispolzovanie rezultatov «neverbalnykh» operativno-rozysknykh meropriyatiy v dokazyvanii po ugovnomu delu — obektivnaya neobkhodimost [Using the results of «non-verbal» operational-search measures in proving a criminal case — an objective necessity]. *Criminalist Library*. 2015;3:171-184 (In Russ.).
28. Rossinsky SB. K voprosu o razvitii teorii dokazatel'stv v ugovnom protsesse [On the development of the theory of evidence in criminal proceedings]. *Russian Criminological Outlook*. 2013;3:354-365 (In Russ.).
29. Rossinsky SB. Problema ispolzovaniya v ugovnom protsesse rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti trebuyet okonchatelnogo razresheniya [The problem of using the results of operational-search activity in the criminal process requires final permission]. *Lex russica*. 2018;10(143):70-84 (In Russ.).
30. Rossinsky SB. Rezultaty operativno-rozysknoy deyatel'nosti nuzhno priznat dokazatel'stvami po ugovnomu delu [The results of operational-search activity must be recognized as evidence in a criminal case]. *Judicial Authority and Criminal Process*. 2018;2:111-119 (In Russ.).
31. Sheifer SA. Dokazatel'sta i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma Publ.; 2008 (In Russ.).